

Salim.Inc

**Когда падает
первый снег**

Salim.Inc

Когда падает первый снег

«Автор»

2026

Salim.Inc

Когда падает первый снег / Salim.Inc — «Автор», 2026

Роман, где двое влюбленных главных героя, живут и делают то, что им хочется, по мотивам Южно корейской литературы.

© Salim.Inc, 2026

© Автор, 2026

Salim.Inc

Когда падает первый снег

Когда падает первый снег

Автор Salim.inc

Пролог

Сеул знал, как пахнет дождь: как свежий кофе, как шелест пластиковых зонтов на автобусной остановке, как чужие истории, которые стекают по асфальту в тающие лужи. В тот вечер лило так, будто небо распахнул кто-то очень упрямый.

Хан Арым прижимала к груди картонный тубус с иллюстрациями, которые нужно было отнести в маленькое издательство в Хонде. Ее кроссовки промокли, волосы, собранные в небрежный хвост, прилипли к шее. У остановки автобус №7011 резко притормозил, и от толчка Арым шагнула назад — прямо в чужой зонт.

— Осторожнее, — мягко сказал мужчина и наклонил зонт так, чтобы накрыть и ее плечи тоже.

У него были теплые глаза — темные, с едва заметной искрой смеха, — и мокрые ресницы, словно утренние ветки ивы над рекой Ханган. Он был в простой серой куртке, капюшон не натянут, волосы потемнели от дождя, а на щеке застряла капля.

— Простите, — выдохнула Арым. — Я... у меня важная встреча.

— Тогда разделим дождь, — он улыбнулся. — Я — Чха Минджун.

— Я — Хан Арым.

Они шагнули под общий зонт, и мир, казалось, стал немного теплее.

Глава 1. Крыша над небом

Руфтопы Сеула, эти плоские крышки домов, — словно места, где город дышит. На такой крышной студии в Мапхо жил Минджун. Белые стены, матрас у окна, гитара, настольная лампа — и никакого лишнего. Он любил утро, когда свет просачивается через жалюзи полосками и рисует на полу новые языки. Кофе у него был всегда хорошо обжарен, но холодильник почти пуст.

Если заглянуть глубже, то выяснилось бы: минимализм — маска. Его кошелек мог бы покрыть ни один полет на Луну. Он — наследник группы «Чха Глобал», сеть финтеха, недвижимости и благотворительного фонда. Но о том знали не все. Точнее, почти никто. Он любил исчезать из своего стеклянного небоскреба, снимал эту студию, ходил в дешевые кеды и работал иногда баристой в маленьком кафе «Мён-дон Блюм».

— Почему ты смеешься? — спросил его лучший друг, Пак Сонхо, держатель бесконечного запаса шуточек и мягких булочек.

— Потому что кофе — единственное место, где можно быть честным, — ответил Минджун, легко вращая питчер. — Смотри: молоко либо взбито правильно, либо нет. Здесь нет совета директоров.

— А еще нет твоей мамы, — фыркнул Сонхо. — Чха Кёнми сама из льда, но ее взгляд — кипяток. Ты на собрание-то придешь?

— Приду. Позже. Сначала — мир людей.

Этот «мир людей» пах книгами и пылью. Арым работала в букинистическом магазине «Наквондо», где полки стонали от поэтов, а кошка по имени Папоротник спала на энциклопедии по архитектуре. У Арым были большие глаза, уголки которых чуть подрагивали, когда она смеялась, ямочки на щеках, тонкая линия родинки у ключицы и крохотный шрам на брови — напоминание о детской погоне за воздуш-

ным змеем. Она закончила художественный факультет, рисовала всякую живность и людей в трамваях, подрабатывала доставкой иллюстраций.

— Если честно, — призналась она подруге Юн Сыльги, — иногда кажется, что мои мечты — это зайцы. Они бегают, я бегу за ними, а они ускакали.

— Тогда накорми их морковкой, — серьезно сказала Сыльги. — И запишись на выставку молодых иллюстраторов. Я помогу.

Арым кивнула и в тот же вечер, промокнув, защитила свои рисунки от дождя — и встретила Минджуна.

Глава 2. Как пахнет луг на Нансане

Они начали видеться часто — случайно и не очень. То Минджун заходил в «Наквондо» под предлогом искать сборник Кима Ённана, то приносил кофе «случайно» без сахара, как любила Арым. Сначала это были мелочи: обмен шутками о странных посетителях, совместная охота на исчезнувшую кошку Папоротник, которая считала, что коробки — это новый вид рая.

— Ты всегда смеешься глазами, — заметила Арым однажды, присаживаясь на край высокого стула. — Но не всегда губами.

— А ты всегда выбираешь книги с мягкими корешками, — ответил он.

— Потому что они уже кого-то утешили.

Они гуляли по Нансану, где трава пахнет как луг после дождя; слушали уличного скрипача на Итаевоне, разделив крендель; делили на двоих наушники, пока над городом надувались облака. Минджун иногда замолкал и смотрел на линию горизонта, словно там был вопрос, который он давно не решал.

— Ты что-то от меня скрываешь, — однажды сказала Арым. — Не то, чтобы я была детективом. Но чувствую.

Он улыбнулся — глазами и губами.

— Наверное, я слишком много живу в своей голове, — ответил. — Но если ты хочешь, я научу тебя взбивать молоко.

— А если я научу тебя рисовать облака?

— Разделим мир: ты — облака, я — пену.

Глава 3. Праснецы и правда

Комедия пришла туда, где ее не звали. Минджун приготовил рамен у себя на крыше и там же умудрился случайно отключить электричество.

— Впечатляюще, — произнесла Арым, глядя на темный экран плиты.

— Я мужчина с выключателем, — драматично сказал он. — Позвольте мне показать вам древнее искусство свечей.

Они ели при свете свечей, смеялись, спорили о том, кто первым придумал рецепт кимчи, и целовались на лестнице, когда дождь снова начал шептать на карнизах. Кошка Папоротник заявила в гости сама, тайно спустившись через какой-то неизвестный кошачий портал, и украла у Минджуна сушеную анчоусину.

— Она одобряет тебя, — сказала Арым, поглаживая пушистую инспекторшу. — А это сложно.

— Значит, есть шанс.

Но правда была где-то совсем рядом. «Чха Глобал» несколько месяцев назад приобрела участок недалеко от «Наквондо», и ходили слухи о сносе квартала под многофункциональный комплекс. Для Арым это было как потерять дом: книги, стены, пыльный свет — все могло исчезнуть.

— Ты слышала? — спросила Сыльги, пряча глаза. — Нам пришли бумаги. Хозяин здания готов продать. Через полгода.

— А я только научилась рисовать корешки не на глаз, — попыталась пошутить Арым, но голос дрогнул.

Минджун молчал. На следующий день он сидел в кресле заседаний, где воздух пах мрамором и дорогим одеколоном, и слушал, как его мать, Чха Кёнми, ледяная и безупречная, говорит о графиках и перспективах.

— Этот квартал — шанс, — закончила она, бросив взгляд на сына. — И мы не упустим его.

— Если мы уничтожим единственный букинистический магазин в радиусе трех станций метро, — тихо сказал Минджун, — мы лишим район сердца.

— Сердце — это метафора. Акционерам не нужны метафоры.

Он прямо в зале почувствовал, как холодно поднимается между ребрами. Он давно боялся этого дня.

Глава 4. Гала

Когда тебя приглашают работать на вечер, ты не думаешь, что увидишь там знакомый мир с другого конца. Арым согласилась помочь Сьльги с кейтерингом на благотворительном приеме — нарезать фрукты, подавать тарталетки, улыбаться. Она надела черное платье, собрала волосы и добавила серьги-гвоздики. От зеркала смотрела девушка, в глазах которой дрожал свет.

Зал был полон фарфоровых улыбок, камер и имен. На сцену поднялся мужчина в черном костюме, белая рубашка, строгий галстук. От волнения Арым уронила щипцы, металл тихо звякнул об стол. Потому что на сцене стоял он. Ее Минджун. С микрофоном. С фамилией, от которой искрились вспышки фотокамер.

— Чха Минджун, — произнес ведущий. — Директор по развитию «Чха Глобал».

Время сжалось. В голове гул. Слова — привидения. Он говорил о культурных проектах, об инвестировании в молодежь, об искусстве, как о мостах. А у нее внутри что-то тонуло, будто бумажный кораблик в слишком глубокой луже.

Он увидел ее. На долю секунды — и его взгляд сорвался вниз. Он сделал шаг от микрофона, но не мог уйти. Роль требовала идти до конца.

— Почему ты мне не сказал? — спросила она позже, когда они встретились у служебного выхода, где воздух пахло грузовиками и мокрым цементом.

— Я боялся, — ответил он. — Что мое имя украдет у меня меня.

— Так и случилось. Ты оставил мне чужого.

Она шагнула назад. Ночь казалась слишком чаканной, как незаконченная мелодия. Сильный дождь вернулся.

Глава 5. Первая зима

Сеул знает, как пахнет первый снег — молоком и тишиной. В тот день, когда хлопья стали тяжелее воздуха, Арым пришла в «Наквондо» рано, включила гирлянду и завернулась в шарф. Она пыталась рисовать. Линии не слушались.

В дверь осторожно постучали. На пороге стоял Минджун, как всегда — в простой серой куртке. Но теперь куртка была прочтением недосказанностей.

— Я пришел, — сказал он. — Потому что ты — то, что я не хочу потерять.

— Ты пришел как кто? — спросила она. — Как человек, который смеется глазами, или как человек, чье имя на билбордах?

— Как тот, кто как мальчик боится темноты, когда выключают свет, — он улыбнулся слабо. — И кто искренне верит, что у «Наквондо» есть душа.

— У меня тоже есть жизнь, Минджун, — тихо сказала Арым. — Я не хочу быть твоим секретом. И не хочу, чтобы ты был моим.

Он смотрел на нее долго. Потом снял перчатки, сунул руки в карманы и кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.